

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Е. Г. Сойни

ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ
РУССКОЙ И ФИНСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
МОСКВА 2017

ББК 83
УДК 82/821.0
С 588

Печатается по решению ученого совета
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Рецензенты:

канд. филол. наук О. Г. Абрамова,
канд. ист. наук Е. Ю. Дубровская

Сойни Е. Г.

С 588 Взаимопроникновение русской и финской литературы в первой половине XX века. 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017. — 464 с., ил. — (Studia philologica).

ISBN 978-5-94457-308-7

Монография посвящена изучению взаимопроникновения русской и финской литературы в первой половине XX века. Исследованы как типологические параллели, так и непосредственные контакты литераторов России и Финляндии в сложнейший период мировой истории. Проанализировано влияние русской литературы на формирование мировоззрения финского общества. Подтвержден теоретический вывод, что взаимопроникновение литературы разных народов возможно не только через сближение, но и через отталкивание. Изучена роль «посредников» (переводов и переводчиков, писателей, ученых, эмиграции) во взаимопроникновении культур. Подлинным «посредником» в русско-финских литературных контактах являлась «Калевала», сюжеты которой творчески были восприняты русскими поэтами. Введен в научный обиход ряд уникальных материалов из архивов России и Финляндии.

ББК 83
УДК 82/821.0

*В оформлении переплета использован
фронтиспис М. Цыбасова к «Калевале» (М.; Л., 1933)*

ISBN 978-5-94457-308-7

© Е. Г. Сойни, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	9
Особенности изучения темы	9
Контактное и типологическое	23
Формирование образа и стереотипа инонациональной культуры	29
Историко-литературный экскурс	34
Глава I. Восприятие русской литературы в системе контактных связей	46
Два взгляда на русскую прозу в Финляндии (1890—1910-е годы). Восток или запад? Тенденциозность или дионисийство?	46
Русская поэзия в переводе и интерпретации Рафаэля Линдквиста	78
Глава II. «Посредники» в системе контактных связей	91
Издатели-журналисты-филологи 1890—1910-е годы	91

ОГЛАВЛЕНИЕ

Роль И. Е. Мандельштама в сближении литератур (1897—1909).....	99
---	----

Глава III. Типологические соответствия в русской и финской литературе конца XIX — начала XX веков	115
--	------------

Русский символизм и финский неоромантизм От разобщенности к синтезу.....	115
---	-----

Поэзия Эйно Лейно и Николая Рериха в типологическом сопоставлении	136
--	-----

Глава IV. Финляндская проблематика в русской литературе 1890—1930-х годов.....	167
---	------------

Финляндия в русской поэзии 1890—1910-х годов	167
---	-----

Финляндия в русской поэзии 1910—1930-х годов	197
---	-----

Калевальские сюжеты и мифологемы в русской поэзии.....	206
---	-----

Финляндия в поэзии русской эмиграции 1910—1930-х годов	225
---	-----

Финляндия в русской прозе и публицистике 1910—1930-х годов (Иван Савин, Борис Зайцев, Иван Шмелев, Корней Чуковский, Леонид Андреев, Александр Куприн, Максим Горький).....	252
--	-----

Глава V. Взгляд на Россию в литературе Финляндии 1910—1930-х годов	281
---	------------

Россия и «пламеносцы»	281
-----------------------------	-----

Русские сны и финская явь в поэзии и публицистике Катри Вала.....	304
--	-----

Финский анти-Блок. Гармония трагического в творчестве Ууно Кайласа.....	323
--	-----

Глава VI. Феномен «посредничества» эмиграции в русско-финских литературных отношениях 1910— 1930-х годов	339
Финляндия в прозе и публицистике русской эмиграции 1920—1930-х годов: тема побега и обретения новой родины. (Юрий Бессонов, Созерко Мальсагов, Татьяна Чернавина, Иван Солоневич, Борис Солоневич)	339
Поэзия-утопия финской иммиграции в России 1920—1930-е годы.....	381
Заключение	413
Список литературы.....	418
Именной указатель.....	442

ВВЕДЕНИЕ

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕМЫ

Наше исследование посвящено изучению взаимопроникновения русской и финской литературы в первой половине XX века, анализу как типологических параллелей, так и непосредственных контактов литераторов России и Финляндии в сложнейший период мировой истории. Постараемся ответить на вопрос, как русская литература, осмысленная творчески, влияла на формирование мировоззрения финского общества, и выявить, какие источники вдохновения черпали русские литераторы в Финляндии. Нами исследованы положительные и отрицательные образы России в финской литературе, и Финляндии, финской культуры, природы в литературе русской, роль «посредников» (переводов и переводчиков, писателей, ученых, эмиграции) во взаимопроникновении культур.

Русско-финские литературные связи имеют особую историю. И только от исследователя этих связей зависит, представить ли каждую встречу литератур двух соседних народов индивидуально или увидеть за не всегда равными и не всегда регулярными отношениями какую-либо общую схему. Материал, питающий историю взаимопроникновения русской и финской литературы, столь разнообразен и противоречив, что любое желание подчинить его единой концепции, одной связующей идее будет заведомо неудачной попыткой интерпретации литературной действительности. Ибо противоречиво не только творчество различных писателей, в разное время погружавшихся в инациональную культуру, но даже в творчестве одного и того же автора в одно и то же время одни идеи противоречат другим. Можно говорить о В. А. Коскенниemi против В. А. Коскенниemi, об Э. Лейно против Э. Лейно, о Л. Андрееве против Л. Андреева. Вероятно, ничто иное в литературе не находится в такой прямой зависимости от политики, истории, разных искусств, как литературные взаимоотношения. Любой непродуманный шаг царского правительства (даже

незначительный) тут же сказывался на желании художников принимать участие в совместных выставках, на желании писателей переводить произведения друг друга, на желании режиссеров ставить спектакли по пьесам драматургов соседнего народа. Причем сказывался по-разному. Одни авторы прерывали всякие отношения, другие их демонстративно устанавливали. В данной работе нам представляется целесообразным не совершать насилия над материалом и не вписывать материал в одну, пусть и красивую концепцию — мы будем говорить о ряде идей, об амбивалентности связей. Однако некоторые общие черты, характерные для литературных связей конца XIX — первой трети XX веков, необходимо выделить.

Прежде всего, русско-финские литературные связи не были сугубо литературными. Русских писателей чаще вдохновляла финская живопись, а не литература. С другой стороны, русская литература влияла на общественные движения в Финляндии, возможно, больше, чем на финских писателей. Кроме того, русские и финны — не просто соседние народы. Славяне, предки собственно русских, и финны вместе составляли древнейшее население России. С середины I тыс. н. э. предки русских и финнов жили вперемежку (термин Х. Г. Портана) на земле, где позже, с появлением Рюрика, образовалось Древнерусское государство. Ранние финно-славянские контакты обнаруживают себя во всем — в языке, в архитектуре, в мифологии. Финские ученые Ю. Миккола, Я. Калима¹ к VII—VIII векам относят древнейшие славяно-финские лексические связи. В. Я. Петрухин считает, что «начало взаимодействия финно-угорского и балто-славянского миров в Восточной Европе относится к доисторической эпохе; исследование этого взаимодействия основывается по преимуществу на реконструкции лексики»². С тех далеких времен в обоих языках осталось большое количество заимствований. Например, в финский из древнерусского попали: серп — *sirppi*, бобы — *rapu*, иго (упряжка для волов) — *ies*, сапоги —

¹ *Mikkola J. J.* Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch. Helsinki, 1938. S. 9; *Kalima J.* Die slavischen Lehnwörter im Ostseefinnischen. Berlin, 1955.

² *Петрухин В. Я.* К проблеме взаимодействия финских и балтских (балто-славянских) традиций в мифологии // 175 лет финскому литературному обществу и история российско-финских фольклористических связей. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 97.

saapas, окно — akkuna, ложка — lusikka, лужа — luosa и такие важные слова, как грамота — raamattu, край — raja, крест — risti. В русском заимствований также достаточно (хотя несколько меньше, чем в финском). Это прежде всего гидронимы, топонимы, названия рыб: озеро Ильмень — из фин. Ilmajärvi (воздушное озеро)³ или Ylämeri (верхнее море), Валдай — из фин. valta (власть), сиг — из фин. siika, ряпушка — из фин. gäärus, корюшка — из фин. koreh.

Само слово Русь, видимо, было усвоено славянами через посредство финнов. В современной науке наиболее обоснованной считается скандинавская этимология. Исходное наименование сформировалось в древнешведском языке — roþer — «гребля, судоходство, плавание». Этот термин распространился в финской среде. Финны называли приплывавших скандинавов Ruotsi/Roots. Затем название было заимствовано восточными славянами применительно к воинским дружинам. «Вместе сдвигающимися на юг и юго-восток отрядами название robs разносится по Восточной Европе. <...> Отсутствие четкой этнической атрибуции прилагательного “русский” в договорах (с Византией. — Е. С.) подчеркивается тем, что имена доверителей, заключающих договор “от рода русского”, имеют не только скандинавское, но и славянское, балтское и финское происхождение, т. е. понятия “русь”, “русский” не связываются со скандинавами или лавянами, а все территории, подчиненные великому князю, называются “Русской землей”»⁴.

Распространенный у древних финнов домик на столбах (для хранения шкур) запечатлен в русских сказках в виде избушки на курьих ножках. Один и тот же музыкальный инструмент становится излюбленным у финнов и у русских, только называется по-разному — кантеле и гусли. Культы одних и тех же животных и птиц прослеживаются в мифологии двух народов — медведя и лебедя. И в финском, и в русском фольклоре о медведе можно было говорить лишь иносказательно. Любопытно, что в русском языке утверждалось именно табуированное, иносказательное название медведя — ведающий медом. Исходное же название — бер — сохранилось в слове берлога — логово бера. Древние финны и предки русских, живших на Севере,

³ Макс Фасмер. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1986. С. 128.

⁴ Бибиков М. В. Комментарии // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 306—307.

чтили одни и те же силы природы. Магическими возможностями наделялись камень, дерево, вода. Прежде всего вода. Один и тот же ландшафт влиял на самосознание соседних народов. Ландшафт был своеобразным началом культуры и ее продолжением.

Память о древнем диалоге культур то исчезала из сознания новых поколений, то вновь заявляла о себе. В начале XX века, когда сложные политические отношения между Россией и Финляндией не всегда способствовали взаимодействию культур, литераторы разных направлений обратились в своем творчестве к языческой древности, а эта древность была общей. Поэты могли не встречаться в действительности и даже не знать друг о друге, но были внутренне близки в своем понимании мифов, в чувстве природы, музыки, и их творчество обнаруживало далеко не случайное типологическое родство.

Если учесть немалое количество исследований по русско-английским, русско-японским связям, не говоря уже о русско-французских и русско-немецких, то «особым» отношениям литератур России и Финляндии явно не повезло. Более того, считалось, что между соседними литературами существует некая «китайская стена».

Потребовались усилия видных ученых разных стран, чтобы развеять это заблуждение, доказать, что у русско-финских литературных связей давняя история, а «разговоры о “китайской стене” между финской и русской литературой не имеют под собой никакой основы»⁵.

В отечественном литературоведении систематическому изучению взаимодействия русской и финской литературы. положил начало доктор филологических наук Эйно Генрихович Карху (1923—2008). Его перу принадлежит около двух десятков книг, в каждой из которых есть разделы о взаимосвязях в литературе соседних народов: двухтомная «История литературы Финляндии», двухтомное исследование «Финляндская литература и Россия» (т. 1 — 1800—1850, т. 2 — 1850—1900), «Очерки финской литературы начала XX века», I том «Истории литературы Карелии» («Карельский и ингерманландский фольклор»), «Элиас Лённрот. Жизнь и творчество»⁶.

⁵ *Sarajas A. Tunnuskuvia. Suomen ja Venäjän kirjallisen realismin kosketuskohtia.* Porvoo; Helsinki, 1968. S. 151.

⁶ *Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия (1800—1850).* Таллин, 1962; Он же. *Финляндская литература и Россия (1850—1900).* Л., 1964; Он же. *Достоевский и финская литература.* Петрозаводск, 1976; Он же. *Очерки финской литературы начала XX века.* Л., 1972. С. 113—155.

*Рис. 1. Эйно Генрихович Карху
Фото — Фонд «Юминкеко»*

Своими книгами ученый вызвал интерес у читателей России к творчеству писателей соседней страны. В то же время финские читатели получили возможность по его исследованиям судить о своей литературе с позиций российской науки. Ряд монографий Эйно Генриховича — среди них «Достоевский и финская литература», «История литературы Финляндии», «Малые народы в потоке истории» и другие — были изданы в Финляндии, на что откликнулись почти все финские газеты и журналы. Читая петрозаводского ученого, финские исследователи знакомятся с методологией российской филологии, убеждаются, что литературу необходимо изучать в связи с историческим движением общества. Поистине деятельность Э. Г. Карху — это этап в развитии русско-финских культурных связей.

Эйно Генрихович был членом редколлегии многотомной «Библиотеки финской литературы», выходившей в Москве в издательстве «Прогресс» в 1980-х годах. В его переводах увидели свет стихотворения ведущих шведских поэтов Финляндии: Эльмера Диктониуса, Гуннара Бьёрлинга и Эдит Сёдергран.

Перу Э. Г. Карху принадлежит также недавно вышедшее издание «Общение культур и народов», в котором, помимо детального исследования творчества А. С. Пушкина в восприятии финнов, опубликована

переписка составителя «Калевалы» Элиаса Лённрота с Яковом Карловичем Гротом и Арвида Ярнефельта, финского пропагандиста творчества Льва Толстого в Финляндии, с Толстым⁷. Сектор литературы в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, который многие годы возглавлял Эйно Генрихович, стал своеобразным центром по изучению русско-финских литературных связей. Сотрудниками сектора исследована история переводов финской литературы в России, финно-угорский компонент в творчестве Николая Клюева, восприятие «Калевалы» в России⁸, издан сборник статей, посвященный 90-летию Э. Г. Карху, в котором приняли участие ученые Петрозаводска, Москвы и Финляндии⁹.

В Санкт-Петербурге создан информационно-культурный центр «Русская эмиграция», объединивший ученых их разных учебных заведений и академических институтов. Труды, изданные центром: «А пришлось в разлуке жить года...» (2003), «Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами» (2004), «Николай Николаевич Евреинов: материалы к библиографии» (2015), открыли новые темы в истории межнациональных литературных отношений, связанные с изучением творчества русской диаспоры в Финляндии.

Ученые соседних стран приняли участие в двух международных проектах под руководством О. П. Илюха: «Образ Финляндии в России» и «Финский фактор в истории и культуре Карелии». Проект завершился изданием исследований на русском и финском языках¹⁰.

⁷ Карху Э. Г. Общение культур и народов. Исследования и материалы по истории финско-карельско-русских культурных связей XIX—XX веков. Петрозаводск, 2003.

⁸ Мишин А. И. Финская литература в переводах на русский язык (1918—1980-е гг.) // Эйно Карху — человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 45—53.

Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1997.

Хурмеваара А. Г. «Калевала» в России / К истории перевода. Петрозаводск: Карелия, 1972.

⁹ Э. Г. Карху — человек, филолог, мыслитель. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013.

¹⁰ Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Сб. статей / Под ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюха, Г. М. Коваленко: НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2004; Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3 / Науч.

Рис. 2. Справа налево: Лийса Бюклинг, А. Н. Цамутали, Е. Г. Соини
На обсуждении проекта «Образ Финляндии в России»
в Институте Ренваля Хельсинкского университета

О пребывании Горького в Финляндии, о его дружбе с финскими деятелями культуры не раз писали русские и финские критики. Финские эпизоды биографии Горького освещены в работах В. Г. Федорова¹¹, Р. Сюкияйнена¹², А. Шумского¹³, И. Груздева¹⁴.

В своей статье А. Туртиайнен попытался ответить на вопрос, почему Горький в большей степени был дружен с финскими художниками, а не с литераторами¹⁵. Восторженному приему, оказанному

ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Suomen kuva venäläisessä hopeakauden kirjallisuudessa // Monikasvoien Suomi: venäläisten mielikuvia Suomesta ja Suomalaisista. Helsinki: Edita, 2009.

¹¹ Федоров В. Г. Максим Горький и финны // Скандинавский сборник. Таллин, 1963. Вып. 6. С. 274—289.

¹² Sykiäinen R. Gorki ja Suomi // Neuvosto-Karjala. 1978. 24.5—27.12.1978.

¹³ Шумский А. Максим Горький и финский народ // На рубеже. 1940. № 5/6. С. 73—77.

¹⁴ Груздев И. Максим Горький и финский народ // Огонек. 1940. № 4. С. 3—5.

¹⁵ Туртиайнен А. Максим Горький и финны // На рубеже. 1956. № 5. С. 171—175.

Горькому финнами в 1906 году, посвящена статья А. Воронского¹⁶. Отношения Горького и знаменитого финского живописца А. Галлен-Каллела стали предметом исследований А. Амбуса¹⁷ и В. Бондаренко¹⁸. Горьковская публицистика, защищавшая автономные права Финляндии, изучена М. Юновичем в его монографии «М. Горький в борьбе за равенство и дружбу народов»¹⁹.

Тема «Горький и финны» наиболее обстоятельно исследована и в Финляндии. Ряд статей и монография о связях Горького с финской культурой принадлежит критикам М.-Л. Пальмгрен и Р. Пальмгрену²⁰.

Подробный сравнительный анализ творчества Горького и Йоела Лехтонена содержится в монографии А. Сараяс, посвященной русско-финским литературным контактам. Исследовательница показывает отношения финского и русского реализма, ставит проблемы, до нее в финском литературоведении не поднимавшиеся, в частности прослеживает формирование понятия «тип» в финском реализме под влиянием эстетики Достоевского. В двух главах Сараяс пишет о связях финской и русской литературы на рубеже веков. «Осложнение финско-русской политики, — считает она, — нашло отражение в натянутом отношении к русской литературе... Но все-таки ситуация не была однозначной: импульсы от русской литературы получили Майла Талвио, Майю Лассила, Илмари Кианто и Эйно Калима»²¹.

Профессор М.-Л. Невала уделила внимание отношению лидера финского неоромантизма Эйно Лейно к русской литературе. Оно не всегда было ровным, «лихолетье вызвало некоторое недоверие к ней»²², но исследовательница подчеркивает, что русских писателей Лейно считал большими мастерами духовного анализа.

¹⁶ *Воронский А.* Встречи и беседы с М. Горьким // *Новый мир.* 1966. № 6. С. 211—214.

¹⁷ *Амбус А. М.* Горький и А. Галлен-Каллела // *Учен. зап. Тартуского ун-та.* 1958. Вып. 65. С. 93—119.

¹⁸ *Бондаренко В.* Горький и Галлен // *Литературная Россия.* 1978. 24 марта. С. 4—5.

¹⁹ *Юнович М. М.* Горький в борьбе за равенство и дружбу народов. М., 1957.

²⁰ *Palmgren M.-L.* Huomioita Maksim Gorkin kirjailijakuvasta Suomessa. Edistysten tiet. Oulu, 1983. S. 68—87; *Palmgren R.* Maksim Gorki. Elämä ja teokset. Helsinki: Kansankultturi, 1978.

²¹ *Sarajas A.* Tunnuskuvia... S. 51.

²² *Kunnas M.-L.* (Nevala). Mielikuvien taistelu. Helsinki, 1972. S. 51.